

АКСИОЛОГЕМА «СНИЦА» В СЛАВЯНСКОМ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

*Валерий Михайлович Мокиенко
Филологический факультет Санкт-Петербургского
государственного университета*

Выбор темы юбилейной статьи для любимых нами членов Фразеологической комиссии всегда – дело чрезвычайно ответственное. Вот почему автор этих строк уже с мая прошлого года, получив от пани доцентки Веры Ковачовой приглашение участвовать в «*zaujímavej konjunkcii rokov 2022 a 1962*» pre našu jedinečnú a neprekonateľnú Danu Balákovú, вот уже более чем полгода не могу спать. В голове рождаются и тут же сменяют друг друга темы возможной юбилейной статьи. Первая идея – выбрать сюжет из Библии, учитывая научный вклад Юбилярицы в исследование библеизмов (Baláková 2017) и наличие имени пятого из двенадцати сыновей патриарха Иакова, родоначальника одного из Колен Израилевых Дана (ивритское דָן, *Dan, Dān* – «судья») в Ветхом Завете. От этой темы сразу же пришлось отказаться из опасения, что неискушенный в теологии словацкий и чешский читатель может ошибочно ассоциировать это имя с более современным этнонимом *Dán*, ставшим *tertium comparationis* устойчивого сравнения *pije jako Dán* (Mokienko 1973). Затем, имея в виду фундаментальный интерес Даны

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091 «*Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация*», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Балаковой к соматической фразеологии (Baláková 2011), я начал было писать сопоставительную штудию о славянских фразеологизмах с компонентом «сердце», чтобы посвятить и номинацию, и ее объект Юбилярице. Но разведка донесла, что на эту тему уже пишут юбилейные статьи почти все фразеологии-мужчины, читатели и почитатели таланта Даны. Взялся я было и за чисто этимологический этюд, связав фамилию Юбилярицы с украинским глаголом *балакати* 'говорить, беседовать', но проф. О. Федосом и др. Имре Пачаи «взяли ветер из моих парусов», как говорят немцы, заявив, что имя *Балак* – чистейшее заимствование из венгерского языка. А šmytec...

Срок отправки статьи пани Вере Ковачовой тем временем приближался, как и проблема, мучающая любого автора юбилейных статей. И тут родился сюжет, вызванный приятными воспоминаниями. Воспоминаниями, связанными с другим славным Юбилеем, организованным с любовью и творческим вдохновением Даной Балаковой в Ружомберке. Юбилеем ее учителя и коллеги профессора Йозефа Млацака, члена нашей Фразеологической комиссии. Юбилей, который был большим радостным праздником для всех приглашенных на него фразеологов – с докладами, песнями, тостами, яркими речами и памятными до сих пор всем нам сюрпризами. И – конечно же, юбилейным сборником в честь юбиляра. Автор этих строк имел честь и удовольствие поместить в этот сборник с орнитологическим названием «Синица в руках или журавль в небе? (К проблеме оппозиции «Имплицитность – эксплицитность» (Мокиенко 2007).

Воспоминания о Юбилее проф. Йозефа Млацака побудили меня перечитать свою посвященную ему статью. И в паремиологической оппозиции Журавля и Синицы в общеевропейском контексте я вновь увидел некую асимметрию, орнитологическую несправедливость. Вот как об этом писалось автором этих строк 15 лет назад:

«Многочисленные параллели пословицы показывают, что метафорическое противопоставление птицы, пойманной

человеком, и птицы, находящейся на воле, уходят корнями в глубокую древность. Конкретизация же орнитологического образа в разных языках может быть особой. Национальной спецификой русского варианта пословицы является противопоставление журавлю синицы. Причем, если журавль входит в аналогичные пословицы других народов, то синица характерна лишь для восточнославянского и балтийского фольклора. Это не случайно: выбор именно синицы оправдан именно фольклорной символикой этой птицы. В шуточных русских сказках и быличках синица хвастливо грозитя поджечь море, из-за чего, естественно, над ней все смеются. Многие русские пословицы и поговорки подчеркивают малые размеры, незаметность и будничность этой птички: *Не велика птичка синичка; Синица не птица, а прапорщик не офицер; Синица не птица, зять не родня* (Спир. 1985, 129); *Синица хоть тресни – журавлём не будет* (Богданов 1741, 110); *Синица хоть тресни, не быть журавлём* (Татищев нач. XVIII в., 62); *Посади эту синицу хоть в масляну криницу, всё буде синица* (СРНГ 15, 257); *Синицу хоть в пшеницу – ничего не сделаешь* (Рыбн. 1961, 57); *Синичку хоть в пшеничку, а толще не будет; Синичка – воробью сестричка* (Рыбн. 1961, 146) и др.

... Из таких фольклорных ассоциаций и складывалась первая, исконно русская часть интернационального пословичного противопоставления. При всей оригинальности конкретного образа она понятна большинству народов Европы, у которых есть и свои вариации этой древней «птичьей» пословицы».

Как видим, в статье, посвященной проф. Й. Млацеку, я все свое внимание сконцентрировал на универсальности образа Журавля – как птицы, по своему весу и значимости в бытовом «мясоедном» менталитете европейцев представляющей гораздо большую реальную ценность, чем маленькая и якобы ни к чему не пригодная птичка-синичка. И мне захотелось восстановить эти орнитологическую несправедливость, заглянув в зеркало малого фольклора славян.

Действительно, так уж незначительна роль синицы в славянской фразеологии и паремиологии, как может

показаться лишь на основе одной-единственной поговорки, где она противопоставляется Журавлю? Или они – равные по своей паремиологической значимости персонажи нашего фольклора?

Конечно же, мифологическая логика почти всегда аксиологически выстраивает оппозицию «Большой» – «Маленький» в пользу первого полюса. Но ведь эта логика диалектична и в ней достойное место занимают и такие общие для многих славян идиомы, как рус. *маленький да удаленький*, словацк. и чеш. *malý, ale sporý*, пол. *mały, ale zdalny* и под. Как же именно – в зеркале такой фольклорной диалектики воспринимают славяне образ маленькой, но очень миловидной Синички?

Заглянув в соответствующее русское зеркало, мы увидим, что образ этой птицы, навеянный поговоркой о журавле как пределе мечтаний и синице, которая всегда под рукой, далеко не единственен, а достаточно амбивалентен. Да, собственно, и в привычных биологических и филологических толкованиях слова *синица* нет ничего, чтобы из-за небольшой величины умаляло ее другие достоинства. «небольшая, очень подвижная певчая птица отряда воробьиных с пестрым оперением при преобладании, однако, цветов желтого (в нижней части тела) и синего и зеленовато-голубого (в верхней), с белыми щечками и голубыми лапками. *Parus*», – так определяется значение этого слова П. я. Черныхом (2, 163). Согласитесь, что в этом достаточно «сухом» определении таится положительная эстетика. Пестрое желто-сине-голубое оперение, белые щечки и голубые лапки вполне могут вдохновить поэтов на лирические стихи. И это – не пустые слова. Так эта небольшая птичка стала «героиней» у многих русских поэтов. Даже такой классик, как известный прозаик И.С. Тургенев посвятил ей проникновенное стихотворение «Синица»:

Слышу я: звенит синица
Средь желтеющих ветвей;
Здравствуй, маленькая птица,
Вестница осенних дней!

Хоть грозит он нам ненастьем,
Хоть зимы он нам пророк –
Дышит благодатным счастьем
Твой веселый голосок.

В песенке твоей приветной
Слух пленен ужели ж мой
Лишь природы безответной
Равнодушною игрой?

Иль беспечно распевает
И в тебе охота жить –
Та, что людям помогает
Смерть и жизнь переносить?

В этом стихотворении не просто воспевается звонкий голосок синицы, но и воспроизводится известная народная примета: в ноябре эти птицы, предчувствуя скорые холода, перелетают из лесов ближе к человеческому жилью и ждут помощи от людей. В России поэтому даже существует экологический праздник – Синичкин день. Он создан по инициативе Союза охраны птиц России и отмечается 12 ноября, в день памяти священномученика Зиновия Синичника. А за такую заботу в хмурые, ненастные осенние дни синички и помогают людям, по словам И.С. Тургенева, «смерть и жизнь переносить», возрождая в них «охоту жить».

Поэзия – поэзией, а наука – наукой. Биологи же не только подчеркивают многочисленность (46 видов) и разнообразие семейства синицевых как отряда воробьиных, но и их несомненную пользу, ибо они истребляют вредных насекомых. Между прочим, языковая паспортизация также отмечает генетическую принадлежность синицы к отряду воробьиных: *Синичка – воробью сестричка* (Рыбн. 1961, 146; Сок. 2009, 492). Нам же, лингвистам, важнее собственно

языковая характеристика славянских названий синицы и коннотативность, порождённая образом этой маленькой птички-невелички.

Эти названия отражают генетическую общность наших языков, но в то же время акцентируют и некоторую национальную специфику. Большинство из них восходит к общему праславянскому корню **sin-*:

рус. *синица*, белор. *сініца*, укр. *синиця*, серб. *сјеница*, хорв. *sjenica*, словен. *sinice*, болг. *синигер*. При этом в некоторых языках можно найти и синонимы – напр., сербы зовут синицу и *суса*. В западнославянских же языках наша птица именуется иначе: пол. *sikorka*, словацк. *sýkorka*, чеш. *sýkorka*, верхн.- и нижнелуж. *sykora*, а в македонском – *мијалник*. На первый взгляд, словацкие, чешские и польские названия принципиально отличаются от инославянских. Но этимологический анализ не только подтверждает их семантическую общность, но и помогает решить давний спор этимологов о происхождении слова *синица*.

П.Я. Черных, толкование которого приводилось выше, подчёркивает древность слова *синица* в русском языке (зафиксировано с XV в.) и считает, что оно, как орнитонимы *сойка*, *соловей* и под. образовано по цвету оперения (Черных 2, 163 – 164). Словацкое же *sýkora*, как и другие западнославянские названия (включая и украинский диалектизм *сукір*, *сикорка*) с голубоватым цветом этой птицы совершенно не связано. Их единодушно этимологи считают звукоподражаниями. В. Махек убедительно констатирует: «Od *sykati*: „vábí obyčejně *syk syk syk*, což i ostatní *sýkory* dělají“... “sama ve svém hnízdě se prozradí, neboť jakmile se k ní přiblížíme, hned počíná silně *syčeti*“... И подкрепляет свою этимологию нижнелужицким названием «jiného druhu *sykor* – *sykawosa* (Machek 1971, 598). Трудно усомниться, что *sýkora* связана с корнем *syk-/sik-* ‘издавать шипящие звуки’. Но этимологи идут дальше: они по звукоподражательному принципу объединяют *синицу* с *sýkorkou*. Составители новейшего, одного из лучших этимологических словарей – словаря украинского языка –

приводят целый ряд разговорных и диалектных производных орнитонимов от корня *син-*: *синиця*, *синик*, *синитка*, *синича*, *синичка*, *синичник*, *синюк*, *синюх*, *синючок*. Констатируя, что некоторые интерпретаторы связывают такие названия с цветообозначением – якобы по цвету оперения синицы, они, вслед за П. Скоком (Skok 3, 251), заключают, что они образованы «от звукоподражания крику синицы, которое воспринимается как *si-*, *zizigäg* либо *zifi*» (ЕСУМ 5, 236). Тема самым русская *синица* и словацк. *sykora* оказываются связанными единой семантической нитью.

Выяснив, какой именно исходный образ заложен в праславянских наименованиях синицы, можно теперь перейти и к расшифровке фразеологической и паремиологической образности.

Разумеется, народная речь не могла не обратить внимания на такой очевидный факт, как небольшая величина синицы. Но при этом, в силу народной диалектики, здесь подчеркивается и ее орнитологический статус:

Мала птица синица, а всё-таки птица (Спир. 1985, 15); *Невелика синица, а все-таки птица* (Сок. 2009, 152); *Невелика синичка, а птичка* (Сок. 2009, 152); *Невеличка синичка, да та же (тоже) птичка* (ДП 2, 46; Даль 4, 187; Спир. 1985, 15; Аникин 1988, 231); *Синичка невеличка (не величка), а птичка* (Соб. 1956, 72). Вероятно, та же «маломерная» характеристика отражена и в диалектной (Селигер.) поговорке *Хоть синичка, да в рукавичку* (Селигер 2017, 7, 75), подчеркивающая, что малая, но надежная реальность предпочтительнее неумеренной большой фантазии. Малый размер может «конвертироваться» и в семантику, характеризующую военную «табель о рангах», отраженную устаревшей иронической пословицей *Синица не птица, прапор не офицер* – ‘о малозначительности чина прапорщика в царской армии’ (ДП, с. 713).

Немаловажно и то, что небольшая величина в какой-то мере компенсируется звонким голоском этой птицы: *Невелика синица, [да] голосок востёр* (Рыбн. 1961, с. 64).

Одним из важных свойств синицы в фольклорном представлении является ее способность быть предвестником не только осени, как мы видели выше, но и весны. Такова примета, записанная на Урале: *Синичка пролетела, ледоколка: лёд исколет – скоро шух пойдёт* (СГРС 7, 52). Здесь диалектное слово *ледоколка* – синоним синицы, но может быть и названием птицы трясогузки, а *шух* – ‘ранний разбитый лёд на реке’.

В русском малом фольклоре бытуют и шутливо-иронические пословицы о хвастливости синицы. По сказочному анекдоту, она хвалилась поджечь море, но, конечно же, сделать этого не смогла. Этот народный рассказ отражён во многих паремиологических вариантах, известных уже с XVII в. в разных регионах России: пск. *Летала синица зажигать море; море не зажгла, а [лишь] славу учинила* (ПС, 319; СР 2, 222; СПП 2001, 140); *Летала синица море зажигать; моря не зажгла, а шуму (славы) наделала* (Сн. 1848, с. 203; Аникин 1988, 162); пск., ленингр. *Синица моря не зажгла, а славу (славушку) явила* (Соловьева, 2001, с. 48, 83);

Летала синица моря зажигать; моря та не зажгла, а славу учинила (Паус нач. XVIII в., 40); *Синица за море летала, и море зажигать хотела, синица много шумела, да не было из шума дела* (Сн. 1848, с369); *Хвалилась синица море зажечь* (Даль 4, 544; Рыбн. 1961, 80; Аникин 1988, 315); *Хвалилась синица хвостом море зажечь* (Рыбн. 1961, 80);

Хвалилась синица, что море зажжёт (Даль 2, 346; Соб. 1956, 78; Твер. ТПП 1993, 51). Из таких вариантов выкристаллизовался самый употребительный – *Наделала синица славы, а моря не зажгла*, характеризующий того, кто много наобещал, но не смог выполнить обещанного. Его не только фиксируют разные паремиологические источники, но и иллюстрируют контекстами из художественной литературы (Мих. 1, 598; Рыбн. 1961, 80; Жук. 1966, 256 – 257; Соколова 2009, 591). Нередко ее считают цитатой из басни И. А. Крылова «Синица» (1811 г.):

Синица на море пустилась;
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан, и жарко ли гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлепать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тароватый
Не даывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
Лишь изредка иной шепнет:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? – и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом в-свосяи уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Однако, ранние фиксации и обилие вариантов показывают, что баснописец лишь использовал этот старый русский сказочный и паремиологический сюжет для своей басни, а благодаря ей и сюжет актуализировался в русской литературе (Бирих, Мокиенко, Степанова 2007, 639; Мокиенко, Сидоренко 2018, 569 – 571). Между прочим, в одной из русских народных сказок рассказывается о том, как несмотря на свой малый размер и слабосильность синица поджигает целое поле: «На дороге лежит желудь и пищит: – Здравствуй, дед долгоногий! – Здравствуй, желудь дубовый! – Куда это так шагаешь? – Иду Верлиоку бить, когда его знаешь. – Как не знать! Пора уж с ним расплатиться; возьми и меня на подмогу! – Да чем ты

поможешь? – Не плюй, дед, в колодезь – достанется водицы напиться; *синица невелика птица, да все поле спалила*. А еще говорят: мал золотник, да дорог, велика Федора, да дура!» А.Н. Афанасьев, Верлиока.

Крометого, в европейском паремиологическом пространстве можно найти универсальные представления о хвастунах, которые бахвалились тем, что сумеют сжечь или выпить море: лат. *exurere mare* (букв. сжечь море), фр. *il boirait la mer et les poissons* и под. (Мих. 1, 598). Выражение *выпить море* ‘сделать что-л. невозможно’ известно русскому литературному языку с начала XIX в.:

Хотеть, чтоб нас хвалил весь свет,
Не то же ли, что *выпить море*.

В.А. Жуковский. К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину.

Оно является калькой с фр. *une mer à boire* ‘о нескончаемых хлопотах’, которое употребляется, например, в баснях Лафонтена. Ср. и лат. *mare interbibere* «море выпить (невозможно)», которое упоминается в вызове, сделанном царем Эфиопским царю египетскому Амазису – выпить море, с тем, чтобы от исполнения этой задачи зависел переход известной территории во власть того или другого. Амазис, попавший в трудное положение, обратился к греческому философу Биасу за советом. А тот ответил: напишите эфиопскому царю, что вы готовы выпить море, какое оно теперь, и что вы только ждете, чтобы он отвел все реки, которые впадают в него. Тот же совет приписывается и Эзопу, который дал его своему господину, Неанту (Мих. 1, 571).

Кстати, и русский фольклор сохранил вариант о хвастливой Синице, которая рассказывала о том, что она может не только сжечь, но и – выпить море: *Не синичке море выпить* (Соколова 2009, 592); *Немного синичка у моря упьет* (Соколова 2009, 123).

В близкородственных восточнославянских языках, где есть и слово *сініца* и *синиця*, зафиксированы близкие паремии.

В белорусском, кроме поговорки *Лепшая сiнiца ў руках, як журавель пад небясамi* (Грынблат 1976, 2, 452), известна и другая, где “контрагентом” синицы также выступает журавль: *Хоць трэснi сiнiца, а не быць жураўлём* (Грынблат 1976, 1, 433). Оригинальны паремии, в которых отражено близкое родство синицы с воробьем: *Вераб’i крупы з’елi, а сiнiца ў клетку папала; Верабей проса папiў, а сiнюга ў бяду ўпала* (Грынблат 1976, 1, 351). И здесь, как и в русском языке, громкое пенье синицы является предвестником весны: *Як у тры молата сiнiца содзiць – к вясне* (Грынблат 1976, 1, 75).

М.М.Пазякотмечает, что «образы кулика, синици виступають у малочисельнiй групi паремiй» (Пазяк 1, 1989, 20). Однако, в украинской паремиологии образ синицы не менее ярок, чем в русской и белорусской. Конечно, и здесь «конкуренция» синицы и журавля выражена многими вариантами: *Краще сiнiця в жменi, нiж журавель у небi; Краще сiнiця в руцi, нiж журавель у небi; Краще сiнiця в руках, нiж журавель у небi; Лучче сiнiця в жменi, нiж журавель у небi; Лiпша сiнiця в жменi, нiж журавель пiд небесами; Лiпша сiнiця в руках, нiж голуб на стрiсi; Не сули журавля в небi, дай сiницю в руки; Не сули журавля в полi, а дай сiницю на роздолi; Не сули журавля в небi, та давай сiницю в руки* (Пазяк 1, 1989, 220). Однако, в украинском фольклоре эта конкуренция может иметь и совершенно иной результат: *Сiнiця шкоду робить, а журавель попадеться* (Пазяк 1, 1989, 221). Как и в белорусских паремиях, синица и на Украине считается предвестницей весны и окончания зимы: *Починае сiвати сiнiця – весна надходить; Сiнiця пищить – зиму вiщить* (Пазяк 1, 1989, 382).

Активно здесь представлен и паремиологический сюжет о хвастливой синице, грозящей поджечь море. Он отражен в нескольких вариантах: *Сiнiця море запалила; Лiтала сiнiця море запалити, моря не запалила, а шуму нарбила; Сiнiця слави нарбила, а моря не запалила* (Пазяк 1, 1989, 221). Ср. зачин одной из украинских сказок, отмечающей «перелетность» синиц: *Полетiла птиця-сiнiця за*

тридев'ять земель, за синє море-окіян, в тридесяте царство, в тридев'яте господарство (Пазяк 3, 381).

Ироническую поговорку об этой птице М.М. Пазяк помещает даже в обширный синонимический ряд, осуждающий бахвалов: *«Дмись, не дмись, волон не будеш», «Дере голову, як попова кобила», «Загордилась свиня, що об панський тин чухалась», «Хвалила коза своїх дітей, що найкращі в світі», «Хвалилася синиця, що море запалить»* (Пазяк 2, 10). Их ряд можно еще более расширить: *Хвалився хрін, що з медом сладок; Хвалилася сова своїми дітьми; Хвалилася сова, що її діти найкращі; Хвалилася вівця, що в неї хвіст, як у жеребця, та ніхто тому не вірив; Хвалилася кобила, що з возом горшки побила; Хвалилася коза, що в неї хвіст довгий; Хвалилися гуси, що їх предки Рим спасли* (Пазяк 2, 309). При этом М.М. Пазяк считает, что поговорка о синице «Походить з анекдотів», замечая, что она использована и в баснях «Могилині родини» Є. Гребінки и «Синиця» Л. Глібова. (Пазяк 1, 395). Видимо, они написаны под влиянием басни И.А. Крылова «Синиця».

В украинском фольклоре «партнером» синицы часто оказывается самый известный представитель «отряда воробьиных» – сам воробей: *Синиця – горобцю сестриця* (Пазяк 1, 1989, 221); *Горобці крупу зїли, а синиця в клітку попала; Горобці шкоду роблять, а синиця в спаш упаде;* (Пазяк 1, 1989, 217); *Такі у нього таємниці, що вже цвірінькають про них горобці-синиці* (Пазяк 1, 1989, 219).

В силу своего малого размера ценностный рейтинг синицы и в украсинском фольклоре весьма низок: *Синиця – не птиця* (Пазяк 1, 1989, 220); *І ми люди, не бобри, наша хата не синиця; І ми люди добрі, і наша мати не синиця!* (Пазяк 3, 355). При этом, как ни откармливай синицу, ее величина и ценность не повысится: *Пусти синицю хоч на пшеницю; Синицю хоч на пшеницю; Синицю хоч на пшеницю, так не буде толку* (Пазяк 1, 1989, 220); *Синицю і на салі поклади, то синиця синицею* (Пазяк 1, 1989, 220). Отсюда – и пренебрежительные сравнения девушки с синицей: *безглузда, як синиця; дурна, як синиця* (Пазяк 4, 96). Одно из них направлено в адрес

вертлявой и кокетливой золовки: *Zoviця — як синиця: усе хвостом вертить* (Пазяк 4, 139).

В западнославянском языковом пространстве представления о синице значительно отличаются от восточнославянских, хотя шутливо-ироничная тональность в отношении к этой птице сохраняется. Так, в польском языке уже с 1597 г. записана поговорка *Nie urodzi sikora słowika*, противопоставляющая синицу явно не в ее пользу е соловьем (НКР 3, 193). Явно ироничны паремии *Sikora dworny ptak* (букв. Синица – мужественная птица) и *Z sikory mięsa dwa kory, a pierza faska; Z biednej sikory mięsa pięć koryt, fasę piór, kocieł juchy*. Последнюю составители тезауруса польской паремиологии сопровождают толкованием «Gdyktoś przesadza, fantazjuje» (НКр 3, 193), не оставляющем сомнений именно в такой стилистической окрашенности. Да и диалектные и арготические фразеологизмы *brać sikorki; wszystko to dla sikorki; lubi brać sikorki; gotuj worki na sikorki; diabelnie lakomi są na sikorkę; Nie wyleci sikorka z pustego worka* (там же), характеризующие взяточничество, столь же ироничны, как и в целом безобидные шутки о реальных синичках. Возможно, что представление о нашей птице как о небольшой взятке в польском фольклоре навеяно реминисценцией о её реальной ценности в руке – в отличие от недостижимого журавля в небе.

В словацком малом фольклоре также можно встретить пусть и немногие, но значимые следы синицы – *sýkory, sýkorky*. Хотя в знаменитом собрании Адольфа Петера Затурецкого «Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia» с этим орнитонимом не зафиксировано ни одной паремии, но в 1753 году, по данным фундаментального Исторического словаря словацкого языка, была записана поговорка *Sikorka nikdy tak veľka nebude gako hus* (HSSJ V, 591), которая, как и у других славян, характеризует небольшой размер этой птицы по сравнению с другими, более крупными. Несколько позже, в 1791 году, уменьшительная форма этого слова *sýkorenka* записана в этом же словаре как ласковая метафора любимой девушки в фрагменте народной песни: «Mam sykorenku, čo ma dobre nossy, po gorach, po dolach, po zteleneg rossj (там же).

Тем самым в одной словарной статье этого словаря отражено диалектическое отношение словацкого народа к синице: с одной стороны, она незначительна по размеру, но зато, с другой стороны, она столь милостива, что достойна любви и вдохновляет на высокий полет поэтической фантазии.

Не отличается особым «синичкиным» многообразием и малый фольклор чешского языка. И здесь, как и в словацком языке, синицу сравнивают с энергичной и находчивой женщиной (судя по всему – молодой): *bystrá jako sýkora* «о ženě: čilá, chytrá» (Zaorálek 2000, 534). И если такое сравнение – однозначный комплимент, то оборот *kouká na to jako sýkora na lůj* «ро оčku, dychtivě» одобрительным уже не назовешь, ибо смотреть украдкой и с вожделением на сало может обычно тот, кто зарится на что-либо чужое. При этом первое сравнение является диалектозмом, а второе – авторским употреблением одного лишь писателя (Karel Tůma). Об их малой употребительности свидетельствует и то, что они не отражены ни в двухтомном паремиологическом тезаурусе В. Флайшганса (Flajšhans 1911 – 1913; 2013) в фундаментальном четырехтомнике чешской фразеологии под ред. Фр. Чермака (SčF). Показательно в этом отношении и то, что в знаменитом «Mudrosloví národu slovanského ve příslovích» Фр. Лад. Челаковского приводится всего лишь одна, также не «дожившая» до современного употребления пословица о синице: *Krátké jest plemenné, a malá sýkorka nejvíc vylihá* (Čelakovský 1949, 322).

Вего же собрании приводятся и несколько других славянских паремий о нашей птице с буквальным переводом Фр. Лад. Челаковского на чешский язык: словен. *Sova senici glavána pravi* (букв. *Sova sýkoře hlavatých nadává*) и ее синонимы в сербском и хорватском языках: *Pugala se sova sjenciци: иди, кучко главата!*; *Sova senici zroganja* (Čelakovský 1949, 116).

Остальные же приводимые им славянские пословицы о синице нам уже известны: рус. *Синица в руках лучше соловья в лесе (журавля в небе)*; укр. *Лучше синица в жмени, як журавель в небу* (Čelakovský 1949, 309 – 310). Видимо,

чешский собиратель славянского «Мудрословия» извлек такие «синичные» пословицы из известных в то время паремиологических источников. Так, сербская пословица *Ругала се сова сјеници: иди, кучко главата!* (букв.: Бранила сова синицу: катись отсюда, сука большеголовая!) была за три года до публикации Фр. Лад. Челаковского помещена в сакральный для сербов сборник Вука Краджича (Караџић 1849, 272).

Наконец, приведу и два оригинальных болгарских фразеологизма на «синичную» тему: диал. ирон. *като синигер в катуна, прокопсал съм* (букв. не разобрался, как синица в тыкве) 'абсолютно не понял в чем-л.' (ФРБЕ 1, 509); диал. ирон. *присмяла се кукумявката на синигера* (букв. посмеялась, как сова над синицей) 'о том, кто критикует другого или насмехается над ним, а у самого – те же недостатки' (ФРБЕ 2, 210). Они не вышли, как видим из региональных помет, за узкие пределы диалектов. Но тем не менее нельзя не обратить внимания на определенную орнитологическую «перекличку» с серб. *Ругала се сова сјеници: иди, кучко главата!* и хорв. *Sova senici zroganja*, которая указывает на определенную территориальную преемственность этих балканских паремий.

Прочитав это эссе о паремиологических коннотациях славянской Синицы, некоторые мои коллеги-слависты и особенно члены Фразеологической комиссии могут меня спросить: неужели под этой скромной орнитологической метафорой я имею в виду нашу всеми почитаемую и любимую Юбилярицу Дану Балакову? – Нет, – отвечу я им с фразеологической откровенностью. Славянская Синица давно уже влилась в общеевропейскую орнитологическую семью и стала частью орнитологического Евросоюза. И наша Юбилярица давно уже из скромной студентки и аспирантки, усиленно изучавшей в юности французский язык, превратилась в *Oiseau bleu* – Синюю Птицу, т.е. символ счастья, прекрасной и недостижимой мечты на нашем фразеологическом небосклоне. Этот символ, конечно, для нас в какой-то мере – пусть и народно-этимологически – связан с названиями славянской Синицы. Но он в то же

время – типичный «крылатый» европеизм, восходящий к названию пьесы М. Метерлинка (1862 – 1949) «Синяя птица», при написании которой автор использовал мотивы сказки графини д'Онуа «Голубая птица» (XVIII в.). Сюжет этой сказочной пьесы – приключения детей бедного дровосека, отправившихся на поиски Синей птицы, «тайны вещей». «Если человек найдёт Синюю птицу, он будет всё знать, всё видеть», – говорит Кот, один из персонажей пьесы. Дети так и не нашли синей птицы: самым синим оказался скворец, живущий в их избушке. Популярность пьесы давно сделала выражение *синяя птица* крылатым (Ашукины 1966, 611; Бирих, Мокиенко, Степанова 2007, 579) и распространила его по всему европейскому языковому пространству, в том числе и славянскому: бел. *сіняя птушка*, укр. *синій птах*, болг. *синята птица* и, конечно, словацк. *modrý vták*. Нам же, фразеологам и крылатологам, поздравляющим сегодня Дану Балакову с Юбилеем, остается лишь пожелать, чтобы это пространство было еще долго открыто полётам и взлётам её самых потаённых мечтаний.

Литература

- Аникин 1988: Аникин В. П. (ред. и сост.): Русские пословицы и поговорки. Москва: Художественная литература 1988. 431 с.
- Ашукины 1966: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. 3-е изд. Москва: Художественная литература 1966. 824 с.
- Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Под ред. проф. В.М. Мокиенко. 4-е изд., стереотипн. Москва: Астрель: АСТ: Люкс 2007. 926. [2] с.
- Богданов 1741: Собрание пословиц А.И. Богданова // ППЗ 1961, с. 65 – 118; 259 – 263.

- Грынблат 1976: Прыказкі і прымаўкі. Кн. 1 – 2. Склад. М. Я. Грынблат. Мінск 1976. 559 с.; 616 с.
- Даль 1955: Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. 3-е изд. Тт. 1 – 4. Москва 1955. ДП: Даль В. И. Пословицы русского народа. Москва: Художественная литература 1957. 992 с. (1-е издание 1861 – 1862).
- ЕСУМ: Етимологічний словник української мови. Гол. ред О.С. Мельничук.: У 7 т. – Київ: Наукова думка. – Т.1: А – Г. 1982. 631 с.; Т.2: Д – Копці. 1985. 570 с.; Т.3: Кора – Москва 1989. 549 с.; Т.4: Н – П. – 2003. 656 с.; Т.5: Р – Т. 2006. 407 с.; Т.6: У – Я. 2012. 567 с.; Т.7 (в роботі).
- Жуков 1966: Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. Москва: Сов. энциклопедия 1966. 535 с.
- Караціћ 1996: Вукове народне пословице с регистром кључних речи. Уредници: Слободан Галогаж, Васко Попа, Борислав Рдовић, Милош Стамболић, Јован Христић. Београд: Нолит 1977. 362 с. (1. изд. – У Бечу, 1849)
- Мих. 1, 2: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб. Т. 1, 1903. 779 с. Т. 2, 1905. 580 + 250 с.
- Мокиенко 2007: Мокиенко В. М. Синица в руках или журавль в небе? (К проблеме оппозиции «Имплицитность – эксплицитность») // *Frazeologické štúdie V. Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii*. Eds. Dana Baláková – Peter Ďurčo. Ružomberok: Katolícka univerzita v Ružomberku, Filozofická fakulta 2007, с. 161–170.
- Мокиенко, Сидоренко 2018: Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова. Словарь. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 796 с.

- Пазяк: Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. – К.: Наукова думка. Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. 1989. 479 с.; Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. 524 с.; Т. 3. Взаємини між людьми. 1991. 440 с.; Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. Упорядник М.М. Пазяк. К.: Наукова думка 2001. 392 с. Паус нач. XVIII в.: Собрание пословиц И. В. Пауса // ППЗ 1961, с. 40 – 46; 253 – 257.
- ППЗ: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII-XX веков / Издание подготовили М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.-Л.: Наука 1961. 289 с.
- ПС: Шаповалова Г.Г. Псковский рукописный сборник пословиц XVIII в. // Русский фольклор. Материалы и исследования, IV. М.-Л. 1959, с. 305 – 330.
- Рыбн. 1961: Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. Москва: изд-во АН СССР 1961. 230 с.
- СГРС: Словарь говоров русского Севера. Под ред. А. К. Матвеева. Т. 1. А – Б. Екатеринбург: изд-во Уральского ун-та 2001. 250 с.; т. 2. В. 2002. 290 с.; т. 7. Л – М. 2018. 397 с. Издание продолжается.
- Селигер: Материалы по русской диалектологии. Словарь. Сост. С. Н. Варина, Н. В. Богданова, З. А. Петрова. Под ред. А. С. Герда. Вып. 7. С – У. СПб.: Изд-во СПб. ун-та 2017. 392 с.
- Сн. 1848: Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, изданные И. М. Снегиревым с предисловием и дополнениями. Москва: В Университетской Типографии 1848. 527 с.
- Соб. 1956: Соболев А. И. Народные пословицы и поговорки. Москва: Московский рабочий 1956. 155 с.

- Сок. 2009: Соколова М.И. Народная мудрость. Пословицы и поговорки. – Новосибирск: ЗАО ИПП Офсет 2009. 622 с.
- Спир. 1985: Спирин А.С. Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. – Ростов-на-Дону 1985. 208 с.
- Соловьева 2001: Соловьева Л.В. Не в бровь, а в глаз. Пословицы и поговорки Псковской и Ленинградской области. Бабушкины байки. Гатчина: СЦДБ 2001. 128 с.
- СПП 2001: Словарь псковских пословиц и поговорок. Составители В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Научный редактор Л.А. Ивашко. 13 000 единиц. СПб.: Норинт 2001. 176 с. СР: Рукописный сборник Древних русских пословиц, опубликованный Е.Р.Романовым // Зап. Сев.-Зап. отделения Русского географического общества. Кн. 1. Вильна 1910; кн. 2. Вильна 1912.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Главный редактор С.А. Мызников. Вып. 1–51. Л. – СПб 1965 –2019. (издание продолжается).
- Татищев нач. XVIII в.: Сборник пословиц В. Н. Татищева // ППЗ 1961, с. 47 – 64; 257 – 259. ТПП 1993: Тверские пословицы и поговорки. Сост. Л.В. Брадис, В.Г. Шомина. Серия Тверской фольклор. Тверь: Тверской областной гос. Дом народного творчества 1993. 60 с.
- ФРБЕ: фразеологичен речник на българския език. СК. Ничева, С. Спасова-Михайлова, Кр. Чолакова. София: Издателство на Българската Академия на науките. Т. 1974. 759 с.; Т. 2, 1975. 779 с.
- Черных 1993: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. тт. 1

- (А-Пантомима. 622 с.); II (Панцирь-Ящур. 560 с.).
Москва: Русский язык 1993.
- Baláková 2011: Baláková Dana: Dynamika súčasnej slovenskej frazeológie (fond somatických frazém). Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität 2011. 315 s.
- Baláková 2017: Baláková Dana – Kováčová Viera: K výskumu biblickej frazeológie. – Ružomberok: Verbum 2017. 234 s.
- Čelakovský 1949: Čelakovský František Ladislav: Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Připojena jest sbírka prostonárodních českých pořekadel. Uspořádal a vydal František Lad. Čelakovský. Praha: Vyšehrad 1949. 922 s. (1. vyd. 1852).
- Flajšhans 1911 – 1913; 2013: Flajšhans, Václav: Česká přísloví. Sbíрка přísloví, přípovědek a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. Díl I. Přísloví staročeská. Díl I (A – N), díl II (O – Ru). Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění 1911 – 1913; 2., rozšířené vydání. Eds. Valerij M. Mokienko – Ludmila Stěpanova. Olomouc: Univerzita Palackého 2013.
- HSSJ: Majtán, Milan et al. (red.): Historický slovník slovenského jazyka. 1 – 7. Bratislava: Veda 1991 – 2008.
- Machek 1971: Machek Václav: Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Academia 1971. 866 s.
- Mokienko 1973: Mokienko Valerij M.: Pije jako holendr – nebo jako Holendr? In: Naše řeč, 1973, roč. 56, č. 2, s. 85 – 89.
- NKP: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1 – 4. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy 1969 – 1978.
- SČF: Slovník české frazeologie a idiomatiky. Díl 1 – 4. Red. Fr. Čermák, J. Holub, J. Hronek, J. Machač, M. Šára. Praha: Academia 1983 – 1994.

Skok: Skok Petar: Etymologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Uredili akademici Mirko Deanović i Ljudevit Jonke. Knjiga 1 – 3. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti 1971 – 1973.

Zaorálek 2000: Zaorálek Jaroslav: Lidová rčení. 4. vyd. Praha: Akademie věd České republiky 2000. 741 s.

Résumé

Axiologem “tit” in the Slavic Paremiological Area

The research focuses on phraseological/paremiological units with a “tit” component. Its goal is to present how the Slavs perceive the image of a small but charming bird, the tit. The imagery and semantics of phraseological/paremiological units with the ornitonym tit are therefore viewed in the all-Slavic linguistic framework. In the comparative picture, interlingual connotative similarities and differences come to the fore, with specific attention to certain particularities of the East Slavic and West Slavic linguistic areas.